

Геннадий Лукин

Саамский писатель, собиратель саамского фольклора.

Родился 12.12.1949 в поселке Чудзявл Ловозерского района Мурманской области. Работал в Ловозере в комбинате коммунальных предприятий, в пожарной части, в Национальном культурном центре.

В 1998-2012 гг. — председатель Ловозерского отделения Общественной организации саамов Мурманской области, руководитель некоммерческой организации «Родовая община коренного малочисленного народа саами "Инцесь пейв"». За четырнадцать лет работы много общался с саамами разных селений Кольского полуост-

рова: Килтсыйт, Воронья, Варзина, Пулозера, Чудзявл, Умбозерскими саамами, Териберскими.

Автор готовящейся к изданию книги «Еркка моаййнаас Куэлнэк нёарк соаметь еллем баяс» («Рассказы, легенды и мифы о древних обычаях жизни саамов Кольского полуострова»). Часть его рассказов на русском языке вышла в Антологии современной литературы народов России «Проза».

В 2019 году Геннадий Петрович отмечает свой 70-летний юбилей.

Живет в селе Ловозеро Мурманской области.

Геннадий Петрович пишет на саамском языке, который он изучал под руководством А. А. Антоновой. В «Альманахе саамской литературы» тексты Лукина на саамском языке представлены не будут, поскольку в данный момент автор занимается финальными доработками этих текстов с учетом современных норм языка.

Детский мяч в матице невода

Было это на озере Ловозеро в устье реки Сергевань в конце августа. Стояла спокойная хорошая погода, сквозь облака солнце проглядывало.

Одни рыбаки — саами, коми, русские — невод с лодки забрасывали, другие, те, что были на берегу, когда невод в озеро забросили, стали ворот крутить и шälктэ — веревкой — невод к берегу подтягивать. Ворота — это барабан с четырьмя рычагами, находящимися на уровне груди сидящего человека и закрепленными на двух стойках осями. На барабан наматывается веревка, которая затем и тянет невод. Перед барабаном для рыбака сиденье смонтировано. Сидящий рычагами этого барабана крутит и веревками тянет невод.

С воротами шли вдоль берега, когда веревки набирали полный барабан, ее расслабляли или отпускали совсем ворота-рычаги, и барабан начинал крутиться с большой скоростью, тут уж берегись. Когда же натяжение веревки ослабевало и она останавливалась, тогда шли по берегу, к месту вытаскивания невода «ностэм сайя».

Второй ворот подвозили лодкой, рыбаки выходили на берег с воротами и шли к месту вытягивания невода, продолжая тянуть невод двумя воротами. Так подтянут невод к берегу и начинают тянуть его уже руками.

Когда невод большой, от ворот дополнительную веревку берут. Один

рыбак становится между двумя «крыльями» невода с шестом — туэррпэм мүрр, на конце шеста приделан круглый блин для громкого звука в воде. Рыбак этим шестом стучит по воде, и рыба от шума устремляется в матицу*, а не уплывает под неводом.

Сначала в «крыльях» невода начинает попадаться запутавшаяся в ячее невода рыба, а в конце матицы виднеться детский мяч. Он рыбакам вместо шара — кульпэць — положен, для того, чтобы матица невода не потопила.

На берегу стоял плачущий мальчик Петя, он просил у отца вернуть ему мяч. Бригадир рыбаков по кличке Робинзон, услышав детский плач, спросил отца: «Что это сын твой плачет?» Отец отвечает: «Мяч просит». Робинзон засмеялся: «Все люди рыбу в неводе ждут, а мальчишке мячик подавай. Ребенок и есть ребенок». Рыбаки засмеялись, вспомнив каждый свое детство. И принялись тянуть с двойным усердием.

Перевод Н. П. Большаковой

Луг Пелагеи

Где озера Ловозеро и Поповское соединяются, там открытое место есть — Пāла кйннт — большой открытый луг. Теперь это место Семеркой зовется, и наблюдают люди, как на этом лугу стали деревья расти.

Наши старики вспоминают: в старину на этом месте жила семья — Егор с Пелагеей. Жили они хорошо, у них и вежа своя была. Рыбу ловили, оленей держали. Люблили дорожных людей угощать.

Выйдет Пелагея из вежи, посмотрит на озеро — далеко все видать, куда глаз хватит. Видно, как озеро живет, какая лодка в какую сторону едет, чья она. Утром солнце рано подымается, землю веселит, греть начинает. Южный ветер подует, всех комаров сдует, чтоб не мешали людям вокруг вежи работы выполнять и гостей принимать, когда кто завернет, проезжая мимо их луга на лодке. Да что и говорить, люди к ним часто заезжали. Из села едут, новости привезут, с озера едут, о своих делах рассказывают, угощаются, да еще в это время частенько погода портится, ветер подымается, дождь припустит. И сидят люди в гостях, пока ветер не стихнет. В другой раз так три дня и пройдет.

Веселые дни были, когда люди на Петров день или на Ильин ехали домой. Едут домой в село, семьям рыбы полные лодки везут. У некоторых с собой гармошка, тогда здесь заиграют, запляшут. Любила Пелагея Егора и свой луг, мусора у нее нигде не было.

Проходили дни, пролетели годы. Пелагея умерла. Остался старик один. Вдовому мужику трудно жить одному, женился Егор. А луг этот люди стали называть Егора-Пелагеи луг. Егор-Пāла кйннът.

Прошли годы. Новая жизнь началась. Стали люди здесь неводом рыбу ловить, да так много — любо-дорого глядеть. За один заброс невода —

семипудовая бочка полная. С этих времен пошло новое имя Пелагеиному лугу — «Пāла Кīннт» — Семерка. Во время Великой Отечественной войны на этом лугу воинская часть стояла, интересно, что у них позывной был «Семерка», а, может, позывной по названию луга и взяли? С тех пор там окопы на берегу озера остались.

В начале семидесятых прошлого столетия археологи вели раскопки на этом лугу. Обнаружили древнюю стоянку саамов, посуду. Место медеплавильной печки. Остатки бронзовых ножей, ложки оловянные, наконечники копий и стрел...

Перевод Н. П. Большаковой

Тоборки головки из шкуры нерпы*

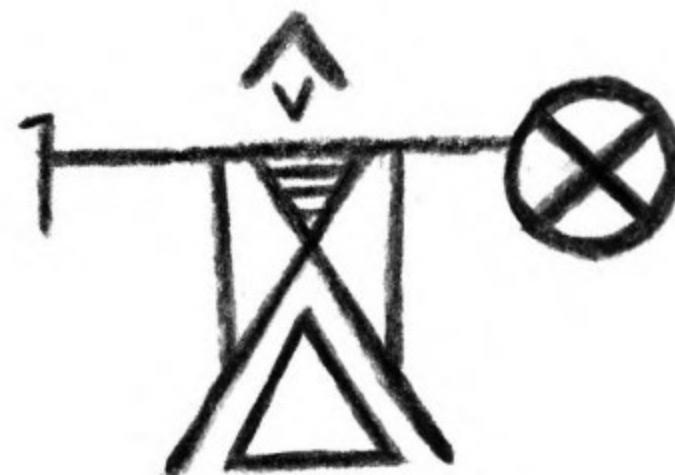
Случай этот с кильдинским саамом произошел. Давно, когда село Чудзьявр строили. В летнее время саамам, чтобы пасти оленей, нужно было от озера к озеру пешком ходить. То с выючным оленем пойдут, то без выючного, с одним рюкзаком. Зимой на санях, запряженных оленями ездили, кережито уж отошли.

Вокруг Чудзьявра лес стеной. Оленевод Дмитрий из села в тундру пешком решил пойти. Расстояние по лесу километров пятнадцать, может, больше чуть. Прошел километров пять, отдохнуть присел. Дальше идет. И встречается ему медведь. Стоймя стоит, на человека смотрит. Дмитрий тоже его увидал, стал глазами сосну искать, у которой сучья пониже, чтоб, значит, на дерево залезть. Приметил недалече одну с толстыми сучьями, и пулей к ней. Поднялся на полдерева и увидел, что и медведь за ним. Да быстро так. Дмитрий еще выше вверх полез.

Догнал саама медведь, и стал тот зверя ногой отпихивать. В тоборках из шкуры нерпы одет был. Медведь схватил когтями головку тоборка и стал дергать. Ременная завязка на тоборке лопнула, тоборка и стянулась с ноги. Рывок сильным оказался, медведь на дереве не удержался и вместе с тоборком вниз полетел, только сучья затрещали под ним. Упал на землю, и по лесу звук пошел, точно пустая бочка ухнула. Зарычал медведь от боли и, забыв про человека, в лес побежал.

А Дмитрий долго еще сидел на дереве, слез только тогда, когда убедился — нет медведя поблизости. Натянул по-быстрому тоборку и к своим оленеводам поспешил.*

Перевод Н. П. Большаковой

*Рассказала Сорванова Марина Николаевна.

Вилка — куропатки кость

Есть у саамов забава. Рассказывали мне об этом моя мама Елена Петровна и бабушка Екатерина Михайловна. Саамы часто куропаток ловили. Хорошее мясо, диетическое. Перья на подушки брали, в перины собирали. И вот, когда мясо ешь, у птичей гортани встречается вилкообразная кость. Кость эту саамы не выбрасывают, ради забавы оставляют. Двое мужчин берут ее пальцами и договариваются: у кого эта кость длиннее оказывается, тот в следующий раз куропаткой дома занимается — ощипывает, опаливает, разделывает, варит. У кого короткая, тот охотничать на куропатку в лес идет.

Есть и примета, с куропаткой связанная. В грудке у той есть широкая Т-образная кость. Когда с грудки мясо съедают, начинают рассматривать эту кость — светлая окажется или нет. Если светлая, погода следующего дня ясная будет, если на кости кровяные жилки проглядывают — непогоды жди.

Перевод Н. П. Большаковой и В. Б. Бакулы

Гонки по тундре, по малоснежному зимнику

Было это в начале зимы. Уж на озерах и реках крепкий лед стоял, только снега маловато нападало. И поехали Федор с Григорием в тундру из села двумя упряжками по четыре быка. Быки с осени упитанные, хорошо бегут. У Григория белый вожак по кличке Брат. Десять километров махом проехали и остановились — дать отдых и оленям, и себе. На стоянке Федор Григорию говорит: «Понравился мне твой вожак Брат, давай меняемся». Григорий, улыбаясь, отвечает: «Согласен, если ты меня догонишь и мимо проедешь. Если нет, двух пелеев из своей упряжки отдашь. Согласен?» Федор согласился. Договорились. Поехали. Гриша стал гнать оленей. Зимник по замерзшему болоту пролегал, на пути разных размеров кочки обледенелые попадались, по которым сани прыгали, чуть не переворачиваясь и не ломаясь. С Муэгкэ горы до Коант озера оленей гнали без остановок, а это — ни мало, ни много — километров двадцать пять, олени устали, бедные. Федор за Григорием спешит, не отстает, но и обогнать не может. Ближе подъехал, кричит: «Остановись, у быков легкие спалиши». Григорий послушался, остановился.

Олени дышат тяжело, бока, как у гармошки меха, двигаются, языки наполовину висят во время дыхания, ртом снег хлебают.

Федор говорит: «Хватит гнать, не надо мне твоего белого Брата, ты победил. Мы так всех оленей загубим». Поехали. Григорий все также, гонит, не слушается Федора. Хочет у друга двух пелеев выиграть.

До домов оленеводов метров триста оставалось. У Григория передовой бык с зимника налево повернул. Устал, знает, до домов недалеко осталось. Здесь их раньше привязывали. И сейчас оленеводы их распряженут, привяжут на длинные веревки для кормления и отдыха. Федор и Гриша так и сделали.

Привязали длинными веревками за деревья оленей, чтобы те ягель под снегом копать могли. Ручных отпустили. Не вышел спор, чуть оленей не загубили эти молодые горячие саамские парни.

Перевод Н. П. Большаковой и В. Б. Бакулы

Еськина собака

Это было в селе Арьсъёгк. Жила саамская семья: отец, мать, сын. Сына записали Осипом, а в селе Еськой звали. И была у него собака смышленая — что велит хозяин сделать, все исполняет: оленей пригонит, на охоте лося, глухарей облает до прихода хозяина, на зверей ходила, медведя не боялась.

В куваксе возле очага лежит, ничего без спроса не тронет. Однажды пошел Еська на рыбалку, собаку у дома оставил. Что случилось с отцом, только взял он ружье и пристрелил пса. Пришел Еська с рыбалки, спрашивает: «Где собака моя?» Отец отвечает: «Пристрелил я ее». «Зачем?» — возмутился сын. «Ай-ай-ай» — отец не нашелся, что ответить. И тут Еська простонал: «Отец, ты не собаку пристрелил. Ты душу мою убил!» Пошел в лес и застрелился.*

Перевод Н. П. Большаковой и В. Б. Бакулы

Кость для гадания в голове щуки

А вот об этом случае рассказывала мне мама моя — Лукина Елена Петровна. Молодежи надо чем-то себя развлекать, вот и придумывали для себя забавы. В частности, был интерес у молодых, как например, полюбить. Весной у молодых друг к другу повышенный интерес. Одна из таких забав — щучья кость в голове. Щука — первая рыба, что весной, после долгой зимы, ловиться начинает. Поймают щуку рыбаки, сварят, скушают да по косточкам разберут: большинство собакам отадут, а с головы кость оставят, высушат. Особая кость — с большой палец величиной и в конце кости небольшое оперение. Девушки при гадании обращаются к ней:

— Щучья кость — вуэрът тāххът, правду скажи, где мой суженный находится?

У старших наговоры свои:

— Скажешь правду, маслом помажу, спутаешь все, в огне сожгу.

И те, и другие гадают так: берут высушеннную кость и через плечо кидают. Затем смотрят, как упала она: если лежит оперением вниз, значит, ничего не предскажет, ничего не сбудется; если оперениями вверх, значит то, что задумал гадающий, или в ближайшее время произойдет, или в будущем, другого не дано.

Перевод Н. П. Большаковой

Северное сияние

В давние времена саамы, переезжая большие расстояния по тундре, частенько находились в пути на природе. И северное сияние для них явление от Бога. Отчего оно происходит, они не имели понятия. Но зато у них было твердое убеждение, что это явление Божие, а потому они в тундре, в лесу к этому явлению относились с уважением и опаской. Во время северного сияния в поселках молодежь начинала свои развлечения: свистеть, колоколами звенеть, в ответ на это северное сияние начинало волнамиходить, то поднимется, то опустится, а то на все небо развернется. Зрелище красивейшее! Саамы знали поверья, с сиянием связанные, могли погоду предстоящую определять: если сияние на все небо разыграется — к сильным морозам, волнами — к ветрам.

В морозную зимнюю погоду слышимость колокольчиков была особенно звучная. Едет саам на оленях во время северного сияния, и колокольчики заткнет. Если же во время бега оленей колокольчики — чуйель кёлл — звенят, то оно начинает очень сильно играть. Саамы страшились этого, им казалось, что северное сияние может опуститься к оленям и начать сосать у них кровь, и это в лучшем случае, а то и к человеку присосется. Когда в дороге путник один, какие только мысли не придут тебе в голову.*

Перевод Надежды Большаковой

156 *Об этом природном явлении рассказали старшие саамы поселка Чудзъяvr и двоюродный брат Геннадия Лукина — Лукин Николай Фадеевич.

Антон, не трогай малицу, я ж ее купил

Это было давно, до Великой Отечественной войны. Фадей Петрович Лукин и Александр Ионович Антонов были молодые, озорные парни. Трудились вместе в одном оленеводческом стаде колхоза «Вперед», поселка Чудзъяvr. Во время выпаса оленей с ними был зоотехник по фамилии Ботин. Этот Ботин купил малицу недавно умершего саама Антона Ерофеевича. Вот Фадей и Александр дразнят его, говоря: «Смотри, Антон, придет к тебе Ерофеевич ночью и заберет малицу». Ботин отвечает: «Не придет, не заберет».

В один из вечеров договорились оленеводы подшутить над Ботиным. Попили в куваксе чай, спать легли. Костер погас, догорали и угли, когда Фадей вышел на улицу, будто по нужде. С вечера подготовили они с Александром аркан для ловли оленей и протянули его между кустов. Один конец Фадей потихоньку привязал за малицу на Ботине, второй под брезент к постели своей просунул.

Пришел в куваксу, в постель лег, ждет. Александр тоже не спит, лежит в спальнике, слушает. И вот стал Фадей тихонько аркан тянуть. Малица на Ботине шевельнулась и поскользила под брезент. Зоотехник схватился руками за малицу, держит изо всех сил. Фадей еще сильней стал аркан тянуть. Тут уж Ботин не выдержал и среди ночи закричал: «Антон, не трогай малицу, я ж ее купил!»

Тут оленеводы не выдержали и разразились смехом.

Перевод Н. П. Большаковой и В. Б. Бакулы

Большая кумжа Бабьего озера

Это было в сороковые-рекордные. Мужчины все на фронте, и рыбу приходилось ловить женщинам и юным девочкам. С поселка Чудзяэр на Бабье озеро шли десять верст. В этот раз Ульяна Антиповна рыбачила с дочками: Анишей, Антониной и Еленой Лукиной. Рыбу ловили в колхоз, сетями и неводом. Пойманную солили и складывали в ледник. Позже приезжали на лошади и везли ее в поселок. А уже оттуда отправляли в Полозеро на железнодорожную станцию, дальше — на фронт. И, как говорится, стратегически важную работу на тот период делали девчонки 14–15 лет.

Из сетей Лена доставала сигов и щук. Распутывала и клала в корму лодки. По верхнице сети подтягивала веревку, смотря вперед. Вдруг сетку что-то стало дергать. Сказала Антонине: «Приготовь ляп*». Тоня с ляпом перешагнула через сиденье лодки и увидела, что под водой в сетях что-то сверкнуло. Елена начала быстро перебирать веревку, Ульяна направлять лодку вдоль сети.

Это, надо сказать, большое мастерство — подправлять лодку веслами на сеть и в тоже время помогать лодкой, чтобы сеть не ушла под нее. Если бы она видела, какая там рыба, знала бы, как ее подцепить.

Когда Ульяна лодку подправила к ней, тут-то девчата и увидели бьющуюся в сетях большущую кумжину. Елена потянула сеть вместе с кумжей на поверхность воды, путая ею рыбину, чтоб перетащить затем в лодку. Сетка, связанная из простой нити в один ряд, могла не выдержать и порваться. Закрутила в несколько рядов, а это большое мастерство даже для бывалого рыбака, и потянула на себя, чувствуя руками, как сеть начинает трещать, да и сил девчонке вытянуть рыбину не хватало. Крикнула: «Тоня, помогай». Антонина подковырнула кумжу ляпом. Стали вместе подтягивать.

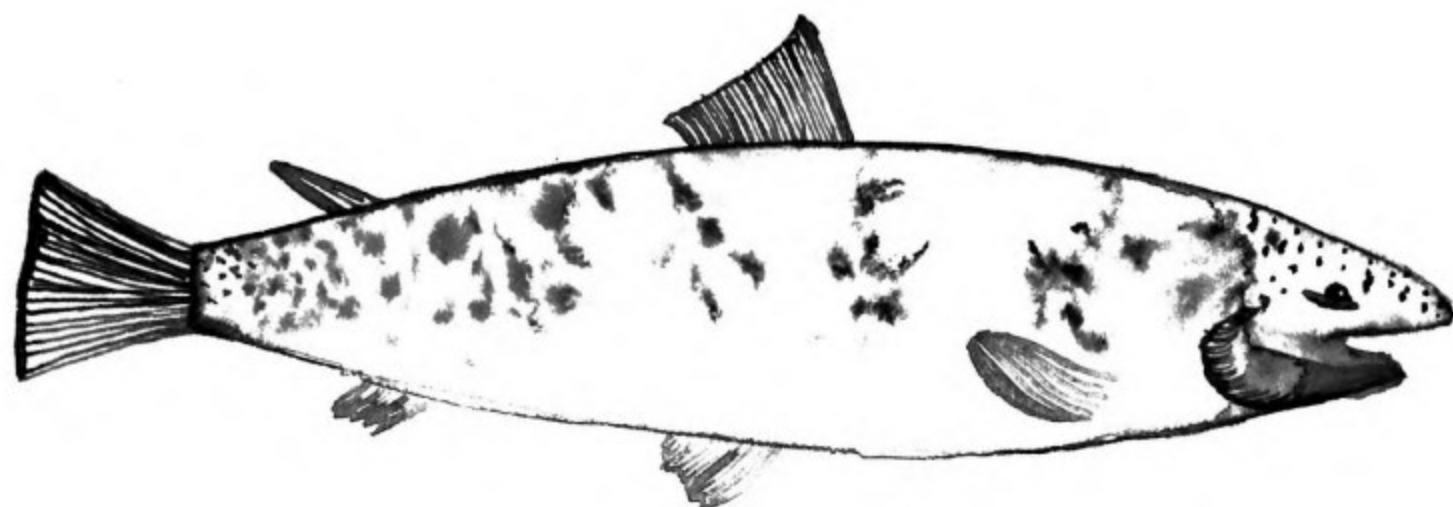
И, наконец, втянули рыбину в лодку. Это была не просто рыба, не просто кумжа, это был «настоящий тюлень» на восемь кило. Один хвост в две ладони чего стоил!

Стали кумжу распутывать из сети, а она как начала биться. Девчонки испугались: ведь лодку опрокинет, зараза. Тоня с Леной оседлали ее, так она биться начала, пытаясь туловищем скинуть их. Ульяна изо всех сил гребла к берегу...

Только на берегу они смогли успокоиться и полюбоваться добычей. Кумжа была серебристая с могучим, огромным туловищем, большими плавниками и хвостом. Для Бабьего озера это большая редкость, чтобы в сети попалась подобная рыбина. Кумжи ловили на два-три килограмма, не больше.

Девчонки долгое время, и будучи уже взрослыми, вспоминали этот случай, рассказывая его своим детям. Такое у них на тот момент было рыбацкое счастье.*

Перевод Н. П. Большаковой и В. Б. Бакулы

Норвежский лес

Давно это было — в советские времена, в восьмидесятых годах прошлого века. В это время скандинавским саамам было разрешено границу с Россией переехать. И стали они в село Ловозеро ездить, любопытно им было с кильдинскими саамами-оленеводами познакомиться. Много рассказов они про русских саамов слышали, но, как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. И вот, приехали норвежские оленеводы в гости к оленеводам Ловозера в совхоз «Тундра», администрация которого организовывала прием гостей. Оленеводам было дано указание поставить большую куваксу в последнем еловом лесу перед тундрой. Положить для постели еловые лапники и накрыть их шкурами в два ряда. Пригнать оленье стадо и забить по этому случаю яловую важенку. Дров заготовить, большой котел мяса сварить, на шампурах нажарить шашлыки. Разжечь костер и ждать гостей.

Скандинавских саамов в селе пригласили в семьи оленеводов Юрьевой Анны Николаевны и Галкиной Анны Александровны, у которых они уже были в гостях. Стол накрыт разными национальными блюдами. Угощались норвежские саамы и про себя удивлялись, мол, надо же, оказывается, у ловозерских саамов есть, чего есть. По-саамски говорили, друг друга понимали, а где не понимали, руками для пояснения показывали, а затем дружно смеялись. В квартирах российских саамов опрятно прибрано, полы помыты, паласами застелены, и на стенах ковры разных узоров, на кухне — шкафы с посудой... Все иностранцы осмотрели с интересом.

В эти дни совхозные рабочие тоже к встрече готовились: в магазинах закупали продукты разные, дефициты — кофе, индийский чай. Утром с гостями в тундру на вездеходе и снегоходах поехали. Сначала шестое

стадо совхоза «Тундра» посмотрели — бригадир Юрьев Анисим Ефимович. С особым вниманием скандинавские саамы осмотрели оленей. Стадо большое, в три-четыре тысячи. Олени жили в своей стихии, конца и края тундре не видно.

А если чего-то испугается стадо, побежит, и, как волны на озере о берег шумят в штурм, так тундра зашумит.

Директор совхоза «Тундра» — Гришин Владимир Александрович — с гостями был, интервью давал: «Девять оленеводческих стад у нас в совхозе, по три-четыре тысячи в стадах, большинство составляет маточное поголовье».

Скандинавские саамы удивлялись, как много в совхозе оленей. Спрашивали: «А в частном пользовании у оленеводов сколько оленей?» Директор отвечал: «Одному оленеводу по тридцать оленей можно держать».

Иностранцы засмеялись: это в их понятии слишком мало для частного пользования.

Посмотрев стадо, угощаться в куваксу поехали. Приехали гости, увидели большую бригадную куваксу. Хозяева их уже ждали, за столы накрытые садили. Полы из досок постелены, большой костер горел. Над костром бригадный котел на 10-15 литров с вареным оленым мясом висел, вокруг костра олени шашлыки жарились. Хозяева и гости за столы уселись. Переводчик разговоры переводил, речи заздравные. Угощались хорошо разными сладостями, русскими, саамскими и скандинавскими угощениями, копченным, сухим мясом. Вот после этого посещения норвежцев ловозерские оленеводы и прозвали этот еловый лес Норвежскэ вара — Норвежский лес.

Перевод Н. П.Большаковой и В. Б.Бакулы

Как оленевод с медведем дрался

Произошел однажды в апреле случай. Обходил на лыжах оленевод стадо, а солнце днем уже хорошо припекало. На снегоходах из села Ловозеро тяжело в это время выехать: на дороге почти весь снег растаял, а если и оставался — только по центру и по краям. В лесу его еще много лежало, а на болотах и на полях — чуть-чуть, потому как ночами были небольшие заморозки. Весна ожидалась теплая. В это время медведь просыпается и из берлоги выходит, птицы с юга прилетают. Ночи весенние короткие — солнце рано поднимается.

В случай, о котором идет речь, стадо паслось перед Момин-ручьем, на болотах и полях, что около Нивки-реки. Перед ними большие леса росли, в тундру уходящие. Посреди болота небольшой горелый лес стоял, а в нем у оленеводов седьмого стада совхоза «Тундра» — кувакса.

Оленеводы потихоньку вели стадо по зимним местам выпаса оленей: по лесам, горам, долинам. В эту зиму стадо пасли рядом с небольшой горой по названию Кулльм вуайва — это невысокая гора, которая находится недалеко от озера Чудзьявр.

Раньше оленеводы это стадо пасли до Симбозера, которое находится недалеко от Умбозера. Еще в более давние времена, когда бригадиром этого стада был Галкин Николай Павлович, стадо выпасали в красивой тундре, где сейчас находится город Мончегорск, и дальше, до станции Пыдткуль, что за железнодорожной станцией Апатиты. На этих землях стоят большие леса, богатые ягелем и другой растительностью, простирающиеся через реку Воронья до тундры. От Кулльм-горы находится большой лес до реки Воронья, через которую лесная зона пролегает километров 10–15, а дальше идет тундра до самого Баренцева моря.

В этот раз оленеводы стадо пасли около Момин-ручья. Ждали остальных оленеводов, когда те соберутся в тундру и приедут помочь стадо перегнать через Воронья-реку. В селе оленеводам надо продукты закупить и к отъезду в стадо быстро приготовиться, так как оттепели днем большие, и через реку Воронья лед может не выдержать груза тяжелого.

В эту ночь стадо караулили Иван Петрович и Николай Иванович.

Ночь выдалась с небольшим заморозком, короткая. Стало рассветать. Иван проснулся, выпил чай, запряг оленей, поехал в стадо. Одни олени в стаде отдыхали (находились в лежке), другие ходили с места на место, искали корм получше: ягель повкусней, свежую траву...

Бригадиром в стаде Галкин Николай Федорович работал. Оленей в стаде зимнего поголовья около трех тысяч: большие, упитанные важенки и быки — черные, пестрые, белые! У важенок — рожки красивые. Ими они после рождения защищают телят от хищников. У быков рости рогов мохнатые. Были в стаде и телята годовалые, и старше: ураки, вонндишки. Большая часть стада состояла из оленей маточного поголовья.

Солнце стало подниматься, Иван, обезжая стадо, высматривал, все ли олени на месте. В таком количестве оленей неопытному оленеводу разобраться тяжело. Опытный запоминает приметных: черно-белых важенок, оленей с сильно загнутыми рогами, оленей с наполовину сломанным рогом, высматривает белых, как важенок, так и быков. Смотрит и приметных быков — ураков, телят. Если эти приметные олени на месте и стадо составляет такую же массу, что и вчера (а опытный оленевод это обязательно заметит), значит, и все остальные на месте, если приметных нет и оленья масса меньше — значит, надо искать затерявшихся.

Олени нехотя вставали, вытягивались — делали зарядку, как люди после сна, и отходили в сторону от человека с упряжкой.

Иван едет сквозь стадо, потихоньку подвигает оленей на ровное место. Сам едет к краю леса: раз есть на краю леса олени, значит, надо осмотреть и край леса, и в лес заехать — нет ли их в лесу.

Думает оленевод: «Из леса надо оленей на болото выгонять, в лесу им делать нечего. Снегу там много, ягеля не достать, ночью наст образуется — они могут уйти. В лесу хищники: росомаха, медведь, собаки из поселка могут прибежать. Днем снег подтает — оленю от хищников не убежать».

С такими думами Иван подъехал к лесу. Остановил упряжку, вожжой привязал вожака к саням, взял ружье и по насту пошел пешком в лес. Олени послушно побежали от оленевода на болото, к основному стаду.

Потихоньку шел в лес Иван. А как зашел в лес, увидел какие-то незнакомые следы. Пригляделся. Похожи они были на след человека в тоборках. Оленеводу удивительно стало. Прошел по следу еще немного, наклонился и разглядел — не человек это в тоборках прошел, след-то с когтями, это медвежьи следы. Медведь около стада, оленей ловит! Этого медведя надо выследить. Иван пошел по следу. Всего-то немного прошел и видит: стоит медведь за елкой и оленевода ждет. Слышал медведь, что кто-то идет, только не знал, кто. Ждал оленя, а тут человек показался. Оба напугались от неожиданности.

Оленевод видит: большой медведь, ростом выше человека. Быстро вскинул ружье к плечу, взвел курок, прицелился зверю в грудь. Прогремел выстрел — медведь упал (тāлл ёрэ). Присел Иван на дерево и прикурил сигарету. Смотрит — а у медведя бока зашевелились. И хотя у Ивана ружье было в руках, он не стал стрелять: то ли патрона пожалел, то ли не захотел шкуру портить. А медведь вскочил на четыре лапы и бросился на человека. Тут саам кинулся к елке, чтобы спрятаться за нее, да у самой елки нога провалилась в снег, и медведь настиг оленевода.

Тогда саам резко повернулся лицом к медведю и двумя руками схватил его за густую гриву. Держит медведя, а сам думает: «От этого проку мало, надо попытаться достать нож из кобуры».

Медведь, хотя ранен, но еще в силе. Не только в силе он — в ярости. Пытается поднять человека. Саам тоже не из слабых, сил бороться с медведем хватает.

Тут медведь поднял оленевода и валит под себя. Сверху дышит, рычит, слюной брызжет, которая на лицо Ивану течет, закрывая глаза. Сквозь слону плохо видно, а медведь старается Ивана зубами за горло схватить. Саам увернулся, сунул руку в медвежью пасть до корня языка и сжал его пальцами, что есть сил. Медведь замолк. Второй рукой нашупал Иван рукоятку ножа, выдернул его из ножен и воткнул медведю в бок. Медведь зарычал утробно и на Ивана упал. С трудом тому удалось вылезти из-под медведя.

Подошел саам к ружью, сел на упавшее дерево и стал отдыхать. Осматривает, слушает себя, где что болит. Видит: кровь течет на руке, которая во рту медведя была, подумал, хорошо, что часы и завернутый рукав шубы руку спасли. Отдохнул и стал медведя разделять, думая: «Не встретил бы я медведя, сколько беды тот бы принес! Стадо бы разогнал, беременным маткам в утробе телятам бы навредил, кого-то из оленей поймал и растерзал. Стадо бы все разогнал!»

Перевод Н. П. Большаковой и В. Б. Бакулы